

Мария Аронова, похожая на Машу Аронову

«Бережь себя для чего-то иллюзорного и жевать сухари я не хочу», – говорит актриса

независимая-2002 - 26 сентября - с. 6.

Елена Владимировна

Когда Марию Аронову спрашивают, чем ей запомнились студенческие годы, она честно отвечает, что про бесшабашную студенческую жизнь не знает ничего – на первом курсе Щукинского училища родила сына, на втором – стала актрисой Вахтанговского театра. Аронова сразу начала с главной роли – Белотеловой в «Женитьбе Бальзамина». Затем появилась в образе Прони – невесты без места, но с капиталом – в комедии «За двумя зайцами». Затем – «Дядюшкин сон», увенчанный Госпремией...

Совмещать работу с учебой, наверное, было нелегко?

– Это было прекрасно. У меня произошло постепенное вхождение в профессию, прощупывание людей. Ведь обычно человек попадает в театр из училища и начинает хвататься за все, чтобы доказать, что он не осел. А у меня – здесь не получилось, там получилось. Там не получилось – здесь получилось. Замечательные качели. Кроме того, в тот период я зарабатывала неплохие деньги. В институте получала повышенную стипендию, плюс к ней именную, и еще по договору в театре за каждый спектакль. Я была вполне состоятельной дамой.

– Спектакль «Дядюшкин сон», где вы играете Марию Александровну Москалеву, был сделан «на Этуша». Но критика писала о вас ничуть не меньше. В истории театра были случаи, когда бенефициант даже переставал разговаривать со своим коллегой, если тот отнимал у него часть славы...

– Мне кажется, было бы хуже, если бы кроме него ни о ком и не говорили.

Ревновал ли он меня к успеху, не знаю. Он такой мудрости человек, что, если это и было, он этого никак не показывал.

Я не могу сказать, что эта работа была для меня простой в человеческом плане. Владимир Абрамович человек очень сложный, очень жесткий. Я его вначале страшно боялась, даже физически боялась – не могла близко к нему подойти, не могла смотреть ему прямо в глаза. При мысли, что это мой бывший ректор, у меня тряслись ноги, но в какой-то момент я на него посмотрела и подумала: «Господи помилуй, кого же он мне напоминает?» И вдруг поняла, что они с моим папой похожи, как близнецы. Владимир Абрамович делает страшные глаза, он это умеет делать, говорит страшным голосом, а за всем этим стоит безумно добрый, тонкий, замечательный человек, способный понять тебя и простить.

Наверное, конфликты могли бы возникнуть, если бы в ответ на его замечания я бы ответила: «Я сама артистка и знаю, что делать». Это чушь собачья. Он имеет право вызвать меня к себе в гримерную и надавать мне по башке, сказать, что я все делаю не так, и я буду делать так, как он скажет. Я полностью открыта для него. Теперь я его не боюсь, а безумно люблю и абсолютно ему доверяю. Конечно, в том, что мы избежали конфликтов, огромная

Я физически боялась Этуша до тех пор, пока не поняла, что с моим папой они похожи, как братья-близнецы

заслуга и режиссера Владимира Владимировича Иванова.

– Вам легко с ним работать?

– Это мой творческий «папа», человек, за здоровье которого я молюсь. Я доверяю ему абсолютно. Не боюсь быть перед ним глупой, неумеющей. Это как в семейной жизни, когда ты ничего не стесняешься и ничего из себя не изображаешь. Ты знаешь, что тебя любят такой, какая ты есть. На мой взгляд, это

идеальные отношения с режиссером. Он не будет смеяться надо мной, если я скажу, что я чего-то не понимаю, не знаю. Сядет со мной и все мне объяснит. Он умеет так разобрать роль, что от тебя, по существу, требуется вызубрить ее, как партитуру в оркестре, и впустить в себя. – Ваша Проня из спектакля «За двумя зайцами» безумно смешная и трогательная. Грубость и нелепость у нее сочетается с удивительной трогательностью. В ней есть какие-то ваши черты?

– Да, она очень близка мне своей полной открытостью чувству, доверчивостью. Ведь эта нелепая Пронька действительно влюбилась, и ей уже неважно беден или богат этот человек. Несмотря на то, что я в своей недолгой жизни набрала много шишек, я хотела бы сохранить эту открытость.

– Вы – человек востребованный в театре, но тем не менее стали вести на телевидении программу «Рядом с тобой». Зачем вам эта лишняя нагрузка?

– Моя жизнь складывается очень интересно. Иногда я думаю о чем-то, и это почти сразу же сбывается. У меня вдруг возникла мысль – интересно было

Мария Аронова плачет, когда обижают животных.

много в жизни страшных историй. Идет вроде бы обычный улыбающийся человек, а оказывается он в детстве перенес чудовищные травмы.

– Эту программу раньше вела популярная ведущая Татьяна Веденеева. Вы обрекаете себя на сравнение с ней.

– Меня это абсолютно не волнует. Я точно знаю одно – мое счастье, что в театре со мной так много работает великих людей. Я все время общаюсь с ними. У меня выработался определенный собственный образ. Нравится он кому-то или нет – другой вопрос, но я не повторяю кого-то. Я пришла на пробы и делала все так, как делала бы Маша Аронова. Что Юле Меньшовой, руководителю проекта, очень понравилось. Поэтому меня и утвердили.

Мне интересна эта программа. Она очень нужна людям, и чем больше мы будем копаться в каких-то детских проблемах, которые существуют в каждой семье, тем лучше. Если у меня, как у ведущей, получится вывести программу на уровень серьезных проблем, это пять с плюсом всем нам.

– Но гедь «Рядом с тобой» не авторская программа, а, значит, роль ведущей в ней вспомогательная: и текст, и вопросы готовят редакторы, а вам надо будет лишь грамотно их озвучить. Я знаю, что на многих программах у ведущего в ухе «наушник», а потому зачастую его удачная «импровизация» – всего лишь плод работы других людей, которых зритель не видит.

– Никакого «наушника» у меня нет, а программа готовит-

ся общими усилиями. Юля Меньшова перед записью меня предупредила: «Мы без тебя вопросы писать не можем». Мы сидим все вместе – с Юлей, с редакторами – и обсуждаем тему предстоящего разговора. Я же не попка, задающий чужие вопросы, у меня есть свое отношение к той или иной ситуации.

Я попала в иной мир, совсем не похожий на театр. Мне мама говорила: «Ты встала с кровати и сразу пошла? Нет, ты перебила все части тела, прежде чем сделала нормальный первый шаг». Здесь то же самое. Я всему учусь. – Ваш собственный опыт воспитания сына вам пригодился?

– Думаю, что да. Что такое мама-одиночка я знаю. Что такое проблема с детским садом и школой – тоже знаю. Мы сменили четыре детских сада и две школы. Что такое сложный ребенок – знаю. Что такое, когда все вокруг ополчается против него, а ты не имеешь на это право, мне тоже хорошо известно. – А вам эта программа хоть в чем-то помогла?

– Я стала с Владиком общаться совсем по-другому, перестала бояться запретных тем, что было раньше. Теперь я четко понимаю, что мне надо сказать, как мне надо сказать, стоит ли говорить на эту тему вообще. Благодаря этой программе, я стала относиться к нему мягче, терпимее.

– Он не думает об актерской профессии?

– Нет. Он увлекается биологией. Он нормальный мальчик, который приходит с улицы грязный, рваный. Ложится спать, а я начинаю тереть его штаны и зашивать очередную дырку. Сын очень гордится мной. В восторге, что я актриса, что меня показывают по телевизору. Смотрит мои спектакли и высказывает свое мнение. Но проявления актерских талантов в нем не вижу.

– А у вас они проявились рано?

– Я всегда хотела быть только актрисой, всегда устраивала какие-то праздники, концерты,

спектакли, читала стихи. Мне это нравилось всегда.

– Вы говорите, что телевидение для вас новый неизведанный мир, но ведь у вас с ним давние отношения. Несколькими годами назад вы появились в сериале «Клубничка». Сериал этот сейчас уже подзабыли, но в свое время он вызывал немало нареканий. Почему вы согласились в нем участвовать?

– Мне понравилось съемочная группа. Мы первоначально не претендовали ни на что серьезное. Говорили: «Это дурь, шутка. Мы дурачимся». А люди начинали рассуждать об искусстве. Чего же ругаться? Ну не нравится тебе – не смотри. В то же время огромное количество зрителей звонило и спрашивало, почему нет продолжения. Для них важно было увидеть на экране своих любимых артистов. Не могу ругать эту работу. Благодаря ей я приобрела узнаваемость, громадный опыт перед камерой и, самое важное, встретилась с огромным количеством замечательных людей. Ну, где бы я, например, могла встретиться с Александром Демьяненко?

Хорошо это или плохо, но так складывается моя судьба. Многие считают, что я растрачиваю свой талант, может быть, они правы. А другие считают, что я правильно делаю, что берусь за все. На тот период мне казалось, что это здорово, славу богу, что это появилось в моей жизни.

– В вашей жизни появился и «Комет».

– Благодаря этому, я могу содержать свою семью, могу не отказывать себе в вкусной еде, хорошей одежде, дарить шикарные подарки друзьям. У меня не болит голова, где взять деньги, чтобы оплатить Владикку бассейн.

Может быть, это самооправдание, но я думаю, что, если бы я была одна на белом свете и у меня не было бы сына и мужа, упаси господь, может быть, я бы раздумывала. Сейчас я на это права не имею. На зарплату в театре прожить невозможно.

– Как говорил Зощенко: «Жизнь диктует свои законы»?

– Действительно, диктует. Но я рада, что все это есть в моей жизни. Я же работаю над собой, размышляю, к чему-то прихожу. Думаю, если режиссер меня увидит, то ему не помешает ни реклама, ни сериалы.

– Но вас не пугает, что у людей ваше лицо ассоциируется с «Кометом»? Вы для них – не актриса академического столичного театра, а всего лишь назойливая дама с чистящим порошком. В театр-то ходит меньшинство, а телевизор смотрят миллионы.

– Я думала об этом. Вы абсолютно правы, что задаете этот вопрос, но у меня нет выбора. Так складывается моя жизнь. Вообще-то я человек безвольный. К примеру, ради мужчины не могу даже похудеть.

– А если любимый человек скажет: «Ты знаешь, мне нравятся тоненькие и изящные»?

– Тогда пусть идет и ищет изящную. Я менять себя не буду, но если нужно для работы, становлюсь «железным Феликсом». Поэтому если бы встретился человек, который бы мне сказал: «Ты должна от всего отказаться, а я сделаю с тобой большое кино», я, не задумываясь бы, все бросила, работала бы даже бесплатно. Пока же таких предложений у меня нет. А бережь себя для чего-то иллюзорного и при этом жевать сухари, смотреть, как твой ребенок ходит в лохмотьях и стесняется этого, ездить из Долгопрудного, где я живу, в Москву на электричке... Спасибо, не надо. Слава богу, у меня все складывается в театре. Я без режиссера не умею существовать. Без режиссера я никто. В кино же со мной работал единственный режиссер – Сергей Урсуляк. В его картине «Летние люди» у меня была небольшая роль, но я поняла, что такое работа с артистом.

– Вы человек везучий?

– Об этом страшно говорить, но поскольку у меня прекрасный сын, замечательный муж, хлебосольный уютный дом, я работаю именно в этом театре, то, видимо, да. ■